

Мы непременно выстоять должны

Мы непременно выстоять должны
В жестокой схватке с атомной бедой,
Чтоб птичьи песни были вновь слышны
В Полесье, над пшеницей золотой.
Чтоб воду здесь не привозную пить,
А брать в ладонь, как раньше из ручья,
Чтоб мертвый город Припять оживить,
Встряхнуть его от сна и забытья.
Чтоб навсегда смертельный фон исчез
И дети босиком могли ходить.
А вместо рыжего зеленый лес
Вокруг ЧАЭС нам снова насадить.
Мозг, будто провод оголенный, вскрытый,
И вывернут изнанкой вдоль лица.
Мы верили в надежные «защиты»,
А стали вешать шторы из свинца.
Над нами страшная была гроза,
Но мы старались злу не уступить...
Из рамок со стен глядят глаза:
Их просто невозможно позабыть.
Они в беду апреля, на рассвете,
Глядели не свернув с дороги вспять.
И мы теперь за станцию в ответе,
Уйти отсюда значит их предать.
Не для геройства мы сюда пришли,
Но разве нужно говорить об этом.
Три блока для страны мы сберегли,
Наш труд в домах людей сияет светом.
Здесь дни у нас в рассветах и закатах,
Минута каждая в большой цене.
Здесь капли пота переходят в киловатты
И током убегают по стране.
Зовут нас не обещанные льготы,
Ни деньги, ни почет, ни славы высь...
Какие могут быть сегодня счеты,
Когда на карту ставят нашу жизнь.

Октябрь, 1986 г.

Другу

Посвящается А. И. ЧИКИШЕВУ

*Возглавляя ремгруппу химцеха,
Шел в просторе рентгеновых лучей
Ради звонкого детского смеха,
Ради светлых и радостных дней.
В трудный миг не робел и не трусил,
Вел на блок за собою, как в бой.
Будто нити, сплетенные в узел,
Мы безропотно шли за тобой.
В максимально опасном пути
Очень четко велась работа.
И недаром блестит на груди
Орден Родины — «Знак Почета».
Жизнь наполнена риска, отваги,
Как звенящая соло-струна,
Как по ветру летящие флаги...
Лишь такими гордится страна!*

Одинокий город

Боль в себе затаив, все мы шли из домов,
Покидая в них то, что нам свято и дорого...
Молча шли, в неизвестность. И не было слов,
Трудно было прощаться с любимейшим городом.
Грустным взглядом он нас в час беды проводил,
С грустью вслед нам глядели поля и овраги.
Белокаменный город в молчаньи застыл,
Лишь по улицам ветер гнал клочья бумаги.
Не подскажет никто, никакие прогнозы,
На какой долгий срок мы теперь разлучились...
А по окнам домов, будто горькие слезы,
Дождевые тяжелые капли катились.
На печальном ветру сиротливо стоит;
Ни шагов, ни звонков — все безлюдно вокруг.
Знаем мы: за людьми этот город грустит,
Как грустит, расставаясь, испытанный друг.
Ждем, когда понемногу отступит беда,
Оживет светлый город, появятся птицы,
Мы вернемся опять в свои гнезда-дома.
Лишь десяткам из нас не дано возвратиться.
Назовем поименно все улицы наши.
Будет Правика сквер и проспект Кибенка...
Только кажется нам, что горька наша чаша.
Город сердца, тебя не вернуть никогда.
...Даже снится порой — у твоих мы дверей,
И не знает никто, как сейчас ты нам дорог...
Ждешь своих сыновей, ждешь своих дочерей,
Верный нам до конца, замечательный город.

Май, 1986 г.